

Предисловие

Задача настоящего исследования состоит в том, чтобы обсудить место и значение праздного класса как экономического фактора современной жизни, однако выяснилось, что практически невозможно сузить рассмотрение данного вопроса до заранее намеченных пределов. Некоторое внимание по необходимости придется уделить происхождению и истории развития институции праздного класса, а также тем признакам общественной жизни, которые обычно исключаются из числа признаков экономических.

В отдельные моменты изложение будет опираться на экономическую теорию или на обобщенные факты этнологии, которые могут оказаться до некоторой степени незнакомыми читателю. Вводная глава раскрывает в достаточной мере природу этих теоретических предпосылок и тем самым позволяет, как хочется надеяться, избежать неясностей и двусмысленностей. Более четкое и подробное изложение исходных теоретических положений содержится в ряде статей, опубликованных в четвертом томе «Американского журнала по социологии» (*American Journal*

of Sociology), в разделах «Инстинкт мастерства и изнурительность труда», «Зарождение собственности» и «Статус женщин в эпоху варварства». Впрочем, наши доводы не основываются лишь на этих отчасти совершенно новых и потому непривычных обобщениях, поскольку иначе им грозила бы опасность совсем утратить свою возможную ценность как часть экономической теории в том случае, если бы указанные новые обобщения оказались в представлении читателя недостаточно обоснованными или недостаточно авторитетными.

Отчасти из соображений удобства, а отчасти по причине того, что возможность ошибочного истолкования тех явлений, которые знакомы всем людям, не слишком велика, те данные, которые приводятся для иллюстрации или для подкрепления теоретических выводов, взяты непосредственно из повседневной жизни, почерпнуты из наблюдений или являются общеизвестными, то есть их никак нельзя отнести к сведениям из малоизвестных или недоступных широкой публике источников. Смею надеяться, что никто не сочтет себя оскорбленным с литературной или научной точки зрения ввиду подобного обращения к обыденным фактам и ввиду той вольной, как может почудиться порой, трактовки вульгарных явлений или феноменов, сокровенное положение которых в человеческой жизни исключало их, бывало, из рассмотрения под углом экономической теории.

Те теоретические предпосылки и подкрепленные фактами свидетельства, извлеченные из менее доступных публике источников, наряду с любыми теоретическими рассуждениями или выводами, за-

имствованные из этнологической науки, также относятся к числу наиболее известных и знакомых: их не составит труда отыскать и выявить в источниках для всякого начитанного и сведущего человека. Поэтому в настоящей книге не соблюдается правило обязательного цитирования и ссылок на научные авторитеты. Те немногочисленные цитаты, которые все же встречаются в тексте (в первую очередь ради иллюстрирования теоретических положений), обычно узнаются достаточно легко без указания источника цитирования.

Глава 1

ВВЕДЕНИЕ

Институция праздного класса получает свое высшее развитие на более поздних стадиях варварской культуры, например в феодальной Европе или феодальной Японии.

В таких сообществах очень строго соблюдаются различия между классами, а наиболее поразительной с экономической точки зрения особенностью этих классовых черт является различие между видами деятельности, свойственными и подобающими конкретным классам. Верхние слои общества обыкновенно, по традиции, освобождаются от производственных занятий или остаются от них в стороне, они придерживаются того образа жизни, который диктуется представлением о чести. Главным среди таких почетных занятий в феодальном обществе выступает военное дело, а второе место после него обычно занимает священнослужение. Если варварское сообщество не отличается воинственностью, то священнослужение может выдвигаться на первое место, а военное дело отступает и занимает подчиненное положение.

Впрочем, при незначительных исключениях в целом соблюдается следующее правило: верхние слои общества, будучи воинами или священнослужителями, не

заняты производственной деятельностью, и эта свобода есть экономическое выражение их высокого социального положения. Индия эпохи господства брахманов* служит наглядной иллюстрацией общества, в котором оба указанных класса освобождены от производственных занятий. В более развитых варварских сообществах наблюдается значительное расслоение на подгруппы того социального класса, который, обобщая, можно охарактеризовать как праздный класс, и между этими подгруппами тоже налицо распределение видов деятельности. Праздный класс как таковой объединяет знать и священнослужителей, к которым присоединяется их многочисленное окружение. Соответственно разнообразны и занятия этого класса, но им присуща общая экономическая особенность: такая деятельность носит внепроизводственный характер. Эти непроизводительные виды деятельности высших слоев общества можно в первом приближении разделить на области управления, военного дела, исполнения религиозных обрядов и развлечений.

На относительно ранних, но вовсе не начальных стадиях варварства праздный класс пребывает в менее дифференцированном состоянии. Ни классовые различия, ни различия между областями деятельности праздного класса еще не проявляются столь четко, а сами занятия не дробятся. На примере обитателей островной Полинезии довольно хорошо прослеживается данный этап

* То же, что и брамины, высшая варна (сословие) индустского общества. Под эпохой господства брахманов имеется в виду так называемый ведический период истории Индии, когда жречество играло важнейшую роль в управлении государствами субконтинента. — *Здесь и далее примеч. перев.*

общественного развития, но следует учитывать то обстоятельство, что ввиду отсутствия на островах крупной дичи охота обыкновенно не занимает здесь почетного места в жизненном укладе. Также наглядным примером тут может выступать жизнь в Исландии в эпоху составления саг*. В подобных сообществах налицо строгое разделение на классы, а занятия четко распределяются между классами. Ручной труд, производство и все, что непосредственно связано с повседневным добыванием средств к существованию, является занятием, вменяемым в обязанность исключительно низшим слоям общества. К таковым принадлежат рабы и прочие зависимые от хозяев люди; кроме того, в число тружеников обычно включались и все женщины. При наличии деления аристократии на несколько ступеней женщины высокого положения освобождались, как правило, от производственной деятельности или по меньшей мере от наиболее вульгарных разновидностей ручного труда. Мужчины из высших слоев общества не просто освобождаются от производства, но, согласно предписывающему обычаю, вообще не допускаются к участию в производственной деятельности. Область их занятий строго ограничена. Как отмечалось ранее, на более высокой стадии развития общества это управление, военное дело, религиозная служба и развлечения. Эти четыре направления деятельности определяют образ жизни высших слоев общества, а для тех, кто занимает высочайшее положение (вождей, царей и королей), они являются

* Вероятно, имеется в виду период X—XI столетий, когда происходили события, описываемые в так называемых «родовых» сагах — или сагах об исландцах. Сами саги в известном сегодня виде были записаны в XIII—XIV столетиях.

единственно возможными видами деятельности, которые допускаются обычаем или здравым смыслом общества. Там, где эта схема надежно утвердилась, даже спортивные занятия и развлечения не считаются безусловно приемлемыми для представителей наивысшей знати. Для более «скромных» слоев праздного класса возможны некоторые другие виды деятельности, но все равно это будут те виды, которые дополняют собой одни или другие типичные занятия праздного класса. К примеру, здесь допускаются изготовление оружия, военного снаряжения и боевых кораблей, содержание и дрессировка лошадей, собак и охотничьих птиц, подготовка утвари для священнослужения и так далее. Низшие классы лишены возможности заниматься этими «вспомогательными» видами почетной деятельности, за исключением тех из них, которые носят явно производственный характер и лишь отдаленно связаны с типичными занятиями праздного класса.

Если сделать шаг назад от этой культуры позднего варварства и вернуться к более ранним варварским обществам, мы не найдем праздного класса, который успел вполне сформироваться. Однако и для низшей ступени варварства характерны те обычаи, причины и обстоятельства, из которых возникает институция праздного класса, а также возможно проследить начальные стадии ее становления. Кочующие охотничьи племена в различных частях света выступают наглядным примером указанных начальных этапов расслоения общества. Нагляднее всего тут в качестве иллюстрации будут племена охотников Северной Америки. Едва ли можно утверждать, что эти племена выделялись присутствием сложившегося праздного класса. Но им было свойственно разделение функций, которое влекло за собой раз-

деление на классы, хотя освобождение от труда высших слоев общества еще не зашло настолько далеко, чтобы мы смело могли употреблять применительно к ним выражение «праздный класс». Племена, принадлежавшие к этому уровню экономического развития, уже достигли того предела экономической специализации, при котором проявляется заметное различие в занятиях мужчин и женщин, причем эти занятия противопоставляются друг другу. Почти во всех североамериканских племенах женщины по предписывающему обычаю занимались теми видами деятельности, из которых впоследствии возникли собственно производственные занятия. Мужчины освобождались от подобной вульгарной деятельности, дабы они могли воевать, охотиться, развлекаться и соблюдать религиозные обряды. Здесь, кстати, мы сразу обнаруживаем все признаки дискриминации.

Такое разделение труда совпадает с разделением на работающий и праздный классы, характерным для более развитых варварских сообществ. По мере дальнейшей специализации производства и диверсификации по видам деятельности все четче вырисовывается соответствующая разграничительная линия, отделяющая производственную деятельность от непроизводственной. Мужские занятия, присущие ранним стадиям варварства, отнюдь не служат той первоосновой, из которой впоследствии развивается какая-либо осязаемая часть производственной деятельности. Позднее все эти занятия распространяются на ту область деятельности, которую нельзя отнести к производственной: это война и политика, спортивные состязания и развлечения, образование и богослужение. Единственными заметными исключениями тут выступают отчасти рыбный промысел, а также те занятия, каковые не представля-

ется возможным безоговорочно отнести к производственным, скажем, изготовление оружия, игрушек, охотничьих и спортивных товаров. Фактически весь ряд производственных видов деятельности «произрастает» из занятий, которые причислялись к женским в ранних варварских сообществах.

Мужской труд на начальных стадиях варварства не менее необходим для выживания коллектива, чем работа, выполняемая женщинами. Не исключено, что мужчины своим трудом обеспечивали добычу пищи и других предметов потребления, насущных для коллектива. В целом этот «производственный» характер мужского труда столь очевиден, что в учебниках по экономике охота обыкновенно относится к типичным образцам первобытной производственной деятельности. Но варвары воспринимали подобный труд совершенно иначе. В собственных глазах мужчины-варвара он вовсе не был тружеником, и в этом отношении его нельзя ставить в один ряд с женщинами, а его труд нельзя приравнивать к повседневной женской работе, как работу или производственную деятельность, то есть попросту непозволительно отождествлять его свершения с женскими занятиями. Во всех варварских сообществах отмечалось несомненное и выраженное неравенство между работой мужчин и работой женщин. Мужские деяния могли способствовать поддержанию жизни коллектива, но считалось, что эти труды исполнены такого мастерства и такой дееспособности, какие невозможно, не умаляя их достоинств, сравнивать с повседневным женским прилежанием.

Продолжая двигаться вспять по культурной шкале, мы достигаем стадии диких групп, на которой разделение труда еще менее заметно, а дискриминирующие разли-

чия между классами и видами деятельности менее последовательные и менее строгие. Отыскать наглядные примеры первобытной «дикой» культуры сегодня довольно нелегко. Лишь отдельные группы или сообщества, причисляемые ныне к «диким», не выказывают признаков упадка, свидетельствующих о том, что некогда они могли похвалиться более высокой степенью развития. Но все же встречаются группы, которые с некоторой точностью воспроизводят (причем в ряде случаев это явно не результат социального регресса) черты первобытного дикарства. Их культура отличается от культуры варварских сообществ отсутствием праздного класса, а также отсутствием, в значительной степени, того предубеждения или духовной предрасположенности, на которой, собственно, и зиждется институция праздного класса. Эти сообщества первобытных дикарей, где нет иерархии экономических сословий, составляют лишь малую и пренебрежимую долю человеческой расы. Лучшими среди доступных нам образцов таких групп могут служить племена андаманцев или тода с холмов Нилгири*. Уклад жизни этих племен к моменту первых контактов с европейцами характеризовался, по-видимому, почти полным отсутствием праздного класса. В качестве дальнейшего примера можно привести айнов с Йезо** и, пусть это ме-

* Быт и обычаи коренного населения Андаманских островов в Индийском океане были описаны английскими этнографами в конце XIX столетия. Нилгири — горный массив на юге Индии, а народность тода считается одним из 18 коренных племен этой местности.

** Имеется в виду японский остров Хоккайдо, ранее обозначавшийся на картах и в книгах как Эдзо (рус. Йезо, Йессо, Иедзо). Айны (айну) — коренное население Японских островов.

нее достоверно, некоторые группы бушменов и эскимосов. К той же категории, вероятно, стоит отнести и отдельные сообщества индейцев-пуэбло*. Подавляющее большинство, если даже не все указанные сообщества следует трактовать как примеры вырождения более развитого варварства, не усматривать в них носителей той культуры, которая никогда не поднималась выше своего нынешнего уровня. Если это так, то в нашем исследовании нужно принимать данный факт во внимание; впрочем, эти группы все равно могут служить свидетельством в пользу нашего вывода, как если бы они действительно принадлежали к «первобытному» населению.

Эти сообщества, лишенные сложившегося института праздного класса, похожи друг на друга также некоторыми другими общими чертами социального устройства и образа жизни. Это малые группы с простым (архаичным) устройством, обыкновенно они ведут миролюбивую и оседлую жизнь; они бедны, а индивидуальная собственность не является преобладающей чертой в их системе экономических отношений. Но необходимо отметить, что отсюда отнюдь не следует, будто это мельчайшие из существующих сообществ, будто их социальная структура во всех отношениях оказывается менее дифференцированной или будто в эту категорию обязательно включаются все первобытные сообщества, у которых нет сложившейся системы индивидуальной собственности. Однако в данную категорию

* Пуэбло — группа центральноамериканских индейских племен, позднее осевших на юго-западе США. По замечанию современных комментаторов, Т. Веблен в своих примерах подобного рода ориентировался прежде всего на такие классические труды по этнографии, как «Древние общества» (1877) Л. Г. Моргана и др.

входят наиболее миролюбивые — возможно, характерно и показательно миролюбивые — первобытные группы. Им всем свойственна общая черта, которая бросается в глаза, а именно некая дружелюбная беспомощность при столкновении с враждебной силой или обманом.

Свидетельства, предоставляемые обычаями и культурным укладом сообществ на низкой ступени развития, позволяют предположить, что институция праздного класса появляется постепенно при переходе от первобытного дикарства к варварству, или, точнее, при переходе от миролюбивого к последовательно воинственному образу жизни. Условия, очевидно необходимые для такого развития, следующие: 1) хищнический уклад жизни сообщества (война или охота на крупную дичь — или то и другое), то есть мужчины, составляющие зарождающийся праздный класс, должны привыкнуть наносить урон силой и военной хитростью; 2) средства к существованию должны добываться сравнительно просто, дабы появилась возможность освободить значительную часть сообщества от постоянного труда по заведенному распорядку. Институция праздного класса развивается из раннего разграничения видов деятельности, согласно которому одни виды труда признаются почетными, тогда как другие считаются недостойными. В соответствии с этим древним разграничением почетными занятиями оказываются те, которые можно отнести к подвигу, к героическим деяниям, а недостойными — те насыщенные повседневные занятия, которые не содержат в себе ощутимых признаков подвига.

Данное разграничение не имеет большого значения для современного индустриального общества и потому почти не удостоивается внимания на страницах учебников по экономике. С точки зрения современного здраво-

го смысла, который определяет развитие экономической мысли, это разграничение кажется формальным и несущественным. Но даже в наши дни оно упорно продолжает сохраняться уже в качестве банального предрассудка, что явствует, например, из хорошо знакомого всем нам отвращения к мелким повседневным обязанностям. Это разграничение личного свойства, разделение между превосходством и подчинением. На ранних стадиях развития цивилизации, когда личная сила человека значила куда больше для формирования хода событий, элемент принуждения играл важную роль в повседневной жизни. Это обстоятельство в немалой степени обуславливало образ жизни. В результате любое последующее разделение общества на этом основании казалось важнее и строже, чем выглядит в наши дни. Как факт последовательности общественного развития это разделение нужно признать существенным, поскольку оно зиждется на достаточно веских и убедительных основаниях.

Опора для привычного различения каких-либо фактов меняется вместе с изменением привычной точки зрения на эти факты. Характерными и существенными оказываются те признаки рассматриваемых фактов, которые наделяются значимостью благодаря преобладающим потребностям эпохи. Всякое конкретное основание для различения этих фактов покажется малосущественным тому, кто привык оценивать указанные факты и ценности с иной точки зрения. Привычка различать и классифицировать цели и направления деятельности везде и во всем преобладает над необходимостью, ведь без этого невозможно выдвинуть действенную теорию или схему общественной жизни. Особая точка зрения, или особая характеристика, которая выбирается для классификации жизненных фактов,